

DOI: 10.15372/HSS20160407
УДК 91(470) "1918/1936"

А.И. САВИН

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РСФСР КАК ЛИФТ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (1918–1936 гг.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье исследуются функционирование института высшего образования в РСФСР в 1918–1936 гг. в качестве лифта социальной мобильности. Главное внимание уделяется политике «пролетаризации» студенчества, целью которой являлось ускорение социальных перемещений выходцев из рабочего класса и беднейшего крестьянства. Анализируются практики предоставления преимущественных прав и привилегий «трудящимся», а также «фильтры» и «барьеры», затруднявшие попадание в вузы «непролетарских элементов». Делается вывод о крайней противоречивости результатов реализации этой политики. С одной стороны, она действительно способствовала резкому увеличению численности специалистов – выходцев из рабочих и крестьян. С другой стороны, стремление радикально изменить социальное лицо студенчества в максимально сжатые сроки фактически подрывало основы самого существования института высшего образования. Лишь отказ от революционного экспериментирования и устранение институциональных дефектов позволили к концу 1930-х гг. превратить институт высшего образования в действенный лифт социальной мобильности.

Ключевые слова: высшее образование, РСФСР, социальная мобильность, пролетаризация, студенчество, привилегии, квоты, барьеры.

A.I. SAVIN

HIGHER EDUCATION IN THE RSFSR AS AN ELEVATOR OF SOCIAL MOBILITY (1918–1936)

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

This article describes higher education in RSFSR in 1918–1936 as an elevator of social mobility. The main focus of this article is on the policy of students “proletarianization”. This policy was aimed at acceleration of social advancement for the descendants of working class and poorest peasantry, and also at the lower social mobility for the representatives of the former propertied classes and the “bourgeois” intellectuals. The author analyzes practices that provided preemptive rights and privileges for the “workers”, as well as “filters” and “barriers” used by the Bolsheviks to prevent the “unproletarian elements” from entering colleges. The conclusion is made, that the results of the students “proletarianization” policy were highly controversial. On the one hand, it contributed to the sharp increase in the number of specialists, who came from the working class and the peasantry. Education became an effective elevator of social mobility for hundreds of thousands of Soviet citizens. On the other hand, an intention to radically change the social image of students as soon as possible effectively undermined the foundations of the very existence of higher education institution. It was not by chance that both attempts to break higher education system coincided with two peaks of inspiration of workers’ educational mobility, and normalization periods were characterized by cancellation of this policy. The growing awareness of the defects of the revolutionary transformation of educational sector led to abolition of the most radical laws, experimental institutes and forms of education in the second half of the 1930s, and to relative “normalization” of education system in terms of its institutions and access to education for discriminated groups.

Key words: higher education, RSFSR, social mobility, proletarianization, students, privileges, quotas, barriers.

Институт высшего образования – традиционный важнейший лифт социальной мобильности, история которого насчитывала в России к 1917 г. более двух-

сот лет, – испытал радикальную трансформацию в первые два десятилетия существования советской власти. Эта трансформация задавалась наряду с объ-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Андрей Иванович Савин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a_savin_2004@mail.ru
Andrey I. Savin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

активными потребностями модернизации советской экономики и общества марксистским пониманием образования как эффективного инструмента классово-борьбы и классового господства. В полном соответствии с такой трактовкой большевики после своего прихода к власти стали проводить политику, направленную на ускорение мобильности в сфере высшего образования одних социальных групп и торможение других. Политика предоставления преимущественных прав и привилегий выходцам из рабочего класса и беднейшего крестьянства фигурировала в большевистском дискурсе как политика «пролетаризации» студенчества. Обратной стороной этой политики было стремление резко ограничить, а в идеале – полностью закрыть доступ к высшему образованию для представителей бывших имущих классов и «буржуазной» интеллигенции.

Вопрос о катализаторах и особенно ингибиторах образовательной мобильности в первые два десятилетия советской власти, несмотря на огромную литературу, посвященную истории высшего образования в Советской России и СССР, нуждается в дальнейшем изучении, так как только такой исследовательский ракурс позволяет воссоздать объективную картину социальных перемещений ленинско-сталинской эпохи, а также выявить специфику советского образовательного ландшафта.

В настоящей статье автор пытается с опорой на предшествующую историографию, а также на опубликованные и неопубликованные документальные источники дать подробные ответы на вопросы о том, как функционировала система привилегий для «трудящихся», какие «фильтры» и «барьеры» использовали большевики, чтобы затруднить попадание в вузы «непролетарских элементов». Это позволит, в свою очередь, сделать выводы о влиянии политики «пролетаризации» студенчества на социальную мобильность различных групп населения, а также на функционирование системы высшего образования. Хронологические рамки статьи – 1918–1936 гг. – охватывают весь период политики «пролетаризации» студенчества.

Высшая школа являлась главной «командной высотой» в сфере народного образования, призванной обеспечить народное хозяйство кадрами специалистов, лояльными большевистскому режиму, а также стать источником рекрутирования советских функциональных элит. В результате уже первые мероприятия большевиков в отношении высшей школы открывали максимально широкий доступ в вузы рабочим и крестьянам. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» отменялись плата за обучение и все вступительные экзамены. Эти нововведения, по замыслу большевистского руководства, должны были устранить все барьеры в сфере образования, препятствовавшие ранее выходцам из социальных низов получать высшее образование. В проекте декрета содержался пункт, согласно которому «на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата

и беднейшего крестьянства» [1, с. 495]. И хотя данное положение не вошло в окончательный текст декрета, идея «растворить» выходцев из «бывших» и интеллигенции в огромной массе студентов-«пролетариев» доминировала в действиях большевиков в годы военного коммунизма.

Безоглядная реализация политики «пролетаризации» студенчества фактически парализовала учебный процесс, поскольку массовый наплыв неподготовленных слушателей многократно превышал возможности как самих вузов, так и профессорско-преподавательского состава. Если в начале 1918 г. численность студентов только университетов составляла в РСФСР около 60 тыс., то осенью 1919 г. она выросла уже до 117 тыс. Стремительно росло и количество самих вузов: к концу 1920 г. в республике насчитывалось 59 вузов, 46 вузов, в том числе 23 университета, а также 57 педагогических институтов и академий народного образования [2, с. 51–55].

Относительная нормализация численности студенчества в 1920 г. парадоксальным образом стала следствием тяжелейших экономических условий, вынудивших большую часть новоиспеченных студентов оставить стены вузов в поисках источников существования. Этому не смогло помешать даже введенное в 1918 г. социальное обеспечение для студентов «из недостаточных классов, детей рабочих и крестьян», быстро утратившее какое-либо значение в условиях галопирующей инфляции. К началу 1920 г. в стенах вузов (без втузов и пединститутов) оставалось около 35 тыс. студентов. Средством, позволившем удержать систему высшей школы «на плаву» и даже добиться увеличения численности студенчества, стала «милитаризация» медицинских, технических и части педагогических вузов [2, с. 52].

В 1921/22 учебном году в РСФСР насчитывалось 225 высших учебных заведений и 171 тыс. студентов. По признанию Наркомпроса, эти высшие школы в подавляющем большинстве не имели ни «надлежащего оборудования», ни «пригодного персонала». Новые экономические реалии диктовали необходимость существенного сокращения численности как самих вузов, так и студенчества. Судя по общесоюзным данным, этот процесс продолжался вплоть до 1925 г. Если в 1923/24 учебном году в 248 вузах в СССР училось около 217 тыс. студентов, то в 1925/26 учебном году численность вузов и студентов достигла абсолютного минимума за годы нэпа – 145 вузов и 167 тыс. студентов [3, с. 273]. В РСФСР на 1 января 1925 г. насчитывалось 86 вузов и 113 тыс. студентов [4, с. 185–186]. Вплоть до 1929 г. численность вузов и студенчества оставалась примерно на этом же уровне: в 1927/28 г. в ведении Наркомпроса РСФСР находилось 70 вузов с общим количеством около 105 тыс. студентов [5, с. 343]. Таким образом, объемы образовательной мобильности в 1920-е гг. лимитировались состоянием института высшей школы и народного хозяйства РСФСР в целом. Тем большее значение в этой ситуации стали приобретать политические и идеологические факторы.

В годы нэпа политика «пролетаризации» студенчества была продолжена, однако теперь ее главным инструментом стало введение преимущественных прав на поступление в вузы для представителей рабочего класса и крестьянства. В соответствии с Положением о высших учебных заведениях РСФСР от 2 сентября 1921 г., право на поступление имели все граждане РСФСР, достигшие 16-летнего возраста и «удовлетворяющие правилам приема, установленным Народным Комиссариатом Просвещения». Однако, несмотря на декларирование принципа равенства, преимущественным правом пользовались выходцы из рабочих и крестьян, а также демобилизованные красноармейцы в случае, если они имели «командировки» – направления на учебу от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, а также от командования Красной Армии. С 1923/24 учебного года право командировать абитуриентов получили также губернские отделы народного образования [6, с. 35]. Остальные принимались по остаточному принципу. Важной привилегией студентов, зачисленных в вузы по «командировкам», стала, начиная с 1922 г., выплата им стипендии.

Тем не менее, условия нэпа привели к коррекции классовых принципов формирования студенчества. Все командированные должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ 2-й ступени или рабочих факультетов. В противном случае предписывалось отказывать в приеме слабо подготовленным абитуриентам. Кроме того, уже осенью 1921 г. произошло расширение привилегированной группы студентов-рабочих за счет детей так называемых спецов, инженерно-технических работников. Это свидетельствовало, с одной стороны, о желании интегрировать «буржуазных спецов» в советскую систему, а с другой – о попытке задействовать в интересах высшей школы учебный потенциал одной из наиболее образованных социальных групп советского общества.

Несмотря на стремление большевиков превратить право на поступление в вузы в «классовую привилегию», в 1923/24 учебном году доля выходцев из непролетарских слоев населения составляла среди студентов вузов 62,2 %, в то время как доля студентов из рабочих – 15,3, из крестьян – 22,5 % [6, с. 35]. На ситуацию не смогли кардинальным образом повлиять даже массовые «чистки» студенческого состава 1923 г. и мая–июня 1924 г. При этом необходимо отметить, что задача чистки 1924 г. не сводилась исключительно к увеличению «пролетарского ядра» студенчества: из вузов исключали не только за принадлежность к непролетарской среде и отсутствие рабочего стажа, но и за академическую неуспеваемость, в том числе студентов из «пролетариата». При этом чистке не подлежали студенты последних курсов [1, с. 514]. Роль «ограничителя» здесь также сыграли прагматические мотивы. Так, в июле 1924 г. Ф.Э. Дзержинский, совмещавший посты председателя ВСНХ и ОГПУ, лично предпринял шаги, направленные на восстановление исключенных студентов из числа «детей инженеров и спецов ВСНХ и наших органов». Еще ранее,

в середине мая 1924 г., наряду с мерами по усилению агентурной работы среди студенчества Ф.Э. Дзержинский отдал распоряжение В.Р. Менжинскому «рассмотреть целесообразность смягчения чистки» [7, с. 549–550, 562]. В литературе приводятся разные цифры «вычищенных». По официальным данным Наркомпроса, было «вычищено» 18 тыс. студентов [1, с. 514], часть из них была позднее восстановлена.

По результатам чистки руководство Наркомпроса заявило в 1924 г. о завершении «пролетаризации» вузов. При этом исследователи отмечают, что речь шла не столько о превалировании «рабочего ядра», сколько о преодолении нравов дореволюционного студенчества [1, с. 499]. Можно предположить, что именно эти декларативные заявления о завершении «пролетаризации» высшей школы, широко тиражированные советской прессой, позволили снять остроту вопроса о социальном лице советского студенчества и расширить квоту «непролетарских элементов».

В 1924 г. в результате вновь введенных вступительных экзаменов были существенно повышены требования к абитуриентам, в том числе к лицам, направляемым в вузы командирующими организациями. Исключение составляли выпускники рабочих факультетов, которые зачислились в вузы в первую очередь и без экзаменов. Д.А. Андреев пишет о тенденции ограничения классового принципа комплектования вузов в середине 1920-х гг., ссылаясь на динамику изменения распределения мест между командирующими организациями в РСФСР. Наиболее существенным здесь было резкое снижение доли лиц, командирующих ВЦСПС, с 55 % в 1922/23 учебном году до 15 % в 1925/26 учебном году, а также рост доли «особо талантливых» выпускников школ 2-й ступени, опытно-показательных школ и профессионально-технических учебных заведений, командирующих губернскими отделами народного образования, с 2 % в 1923/24 учебном году до 25 % в 1925/26 учебном году. Кроме того, в 1925/26 учебном году профсоюзы получили квоту в 10 % для выходцев из «трудовой интеллигенции» [1, с. 500–501]. По данным Наркомпроса РСФСР на 1 января 1925 г., из 113 тыс. студентов по «командировкам» поступили 62,6 %, без направлений соответственно – 37,4 % [4, с. 185–186].

Следующий учебный год отличался еще более либеральными правилами поступления в вузы. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 19 марта 1926 г. «Об основных положениях приема в высшие учебные заведения РСФСР в 1926 г.» для лиц, желающих самостоятельно поступать в вузы, оставлялось до 45 % мест. Преимущественным правом пользовались дети рабочих и крестьян (10 % мест), а также рабфаковцы (35 % мест) при условии успешной сдачи ими приемных экзаменов, еще 8 % мест бронировалось за представителями национальных меньшинств и 2 % – за лицами, командированными народными комиссариатами и командованием Красной Армии [1, с. 502]. 10 июля 1926 г. было принято постановление СНК РСФСР «О приравнивании детей специалистов,

работающих в государственных учреждениях и предприятиях, в отношении поступления в вузы к детям рабочих», в соответствии с которым дети «спецов» (инженеров, педагогов, врачей и т.п.) также относились к группе лиц, пользовавшихся «преимущественным правом» [8, с. 394–395]. В ходе вступительных экзаменов 1927 г. квоты были сохранены только за рабфаковцами, «школьными» фельдшерами¹, представителями «культурно-отсталых национальностей», а также за лицами, командированными СНК союзных республик [9, с. 109].

Либерализация условий приема способствовала тому, что доля рабочих в составе студенчества росла в 1925–1928 гг. крайне медленно, а доля крестьян фактически оставалась на одном уровне. По данным на 1 января 1925 г., выходцы из рабочих составляли в РСФСР 21,8 % студентов, из крестьян – 25,8 % [4, с. 185–186]. К 1927/28 учебному году доля рабочих выросла только до 27,0 %, доля крестьян даже уменьшилась до 24,5 %. Зато доля служащих увеличилась с 38,4 % в январе 1925 г. до 39,5 % в 1927/28 учебном году². Тенденцию к сокращению демонстрировала только социальная группа «прочих», к которой советская статистика относила «лиц интеллигентного труда», а также «нетрудовой элемент» и тех, чью социальную принадлежность установить не удалось. В 1925 г. выходцы из интеллигенции составляли 10,8 % студентов, «нетрудовой элемент» – 2,3, остальные – 0,9 %. В 1927/28 учебном году доля «лиц разных профессий» равнялась 9 %, «нетрудовых элементов» – 1 %. Об ограничении классового принципа рекрутирования студенчества свидетельствует также падение доли бывших рабфаковцев среди выпускников вузов. Если в 1924/25 учебном году она равнялась 43,3 %, то на следующий год – только 28,3 % [1, с. 511] и демонстрировала тенденцию к дальнейшему снижению – на 1 января 1925 г. бывшие рабфаковцы составляли в РСФСР только 15,7 % студентов [4, с. 185–186].

Политика «пролетаризации» студенчества была реанимирована ЦК ВКП(б) в 1928 г. Принятое июльским 1928 г. пленумом ЦК ВКП(б) постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов» предписывало обеспечить «дальнейшее повышение рабочего ядра во вузах и техникумах» с тем, чтобы в 1928 г. рабочие составляли «не менее 65 % общего приема во вузы». Для этого следовало организовать для них при вузах специальные подготовительные курсы, а также в течение ближайших двух лет увеличить численность слушателей дневных и вечерних рабфаков [10, с. 117]. Весомый вклад в дело «пролетаризации» студенчества должны были внести также коммунисты: предполагалось отправлять на учебу еже-

годно во вузы в течение нескольких ближайших лет по тысяче коммунистов.

В 1928–1929 гг. вновь была проведена чистка студенчества. Активное участие в чистке, наборе новых студентов и комплектовании аспирантуры принимали вузовские партийные ячейки, состоявшие преимущественно из студентов-коммунистов. В интересах «орабочения» студенчества в апреле 1929 г. были также отменены вступительные экзамены в вузы для выпускников техникумов [11, с. 535]. За попытки противодействовать отчислению из вузов «социально чуждых» элементов своей должностью поплатился А.В. Луначарский, вместо него в июле 1929 г. на должность народного комиссара просвещения был назначен бывший начальник Политуправления Красной Армии А.С. Бубнов [11, с. 533].

Политическую линию на резкое «улучшение» социального состава студенчества подтвердил ноябрьский 1929 г. пленум ЦК ВКП(б). Теперь была поставлена задача – «довести процент рабочего ядра» в ближайшие годы во вузах до 70 %, а в сельскохозяйственных вузах рабочие, батраки, бедняки, колхозники и их дети должны были составить не менее 75 %. Одновременно ставилась задача очищения вузов от «враждебных элементов», причем не в рамках очередной кампании, а в порядке «систематического изучения состава студенчества» [10, с. 340]. Кроме того, был признан успешным опыт отправки во вузы на учебу тысячи коммунистов. Свой вклад в улучшение социального состава вузов были также призваны внести Красная Армия, профсоюзы и комсомол, для которых выделялись специальные квоты. В результате доля рабочих достигла в вузах в РСФСР в 1928/29 учебном году 27,7 % – максимально высокого показателя, начиная с 1923 г. При этом в технических вузах он был еще выше – 34,4 %, партийная прослойка выросла в них до 42,3 %. Соответственно доля «прочих» снизилась в вузах с 27,8% в 1923/24 учебном году до 6,8% в 1928/29 учебном году [12, с. 34].

Стремительное «улучшение» классового лица студенчества являлось органической частью процесса ломки всей системы высшего образования в условиях сталинской «революции сверху». Совпадение прагматических и идеологических интересов государства привело к сильнейшей трансформации высшей школы. Идея революционеров от образования была примитивно проста. Упрощенные формы обучения, так называемая «технизация» («втузирование») высшей школы и ее трансформация по отраслевому принципу («отраслирование»), новые учебно-производственные планы, которые «увязывали» теоретическое обучение с непрерывной производственной практикой, сокращенные сроки учебы и отказ от университетской системы, с одной стороны, позволяли существенно увеличить выпуск специалистов, а с другой – сделали высшую школу доступной для широкой массы выходцев из «трудолюбивых» с их невысоким уровнем образования и обеспечили, по выражению А.Я. Вышинского, подготовку «про-

¹ Возможно, речь идет о фельдшерах, подготовленных школами 2-й ступени.

² В разных источниках имеют место разночтения в статистике, тем не менее приведенные данные верно отражают тенденции развития.

летарских специалистов-массовиков» [13, с. 25]. Фактически же речь шла о приспособлении высшего образования к нуждам промышленности, где основную массу «новых кадров специалистов» должны были составить «рабочие на производстве, рабочие в совхозах, колхозники», которых следовало готовить без отрыва от производственного процесса. Планировалось «перенести» на предприятия не только факультеты, но и целые вузы. К началу 1931 г. уже около 100 тыс. студентов были переведены в РСФСР на непрерывную производственную практику [13, с. 27].

К этому же времени была в целом закончена институциональная перестройка вузов и втузов, начатая в конце 1929 г. Ее основное содержание сводилось к созданию на базе факультетов университетов и политехнических институтов мелких узкоспециализированных учебных заведений, главной задачей которых была максимально ускоренная и упрощенная подготовка специалистов. Так, только на базе университетов в 1930–1931 гг. в СССР было создано около 45 втузов и вузов. Многие из свежеспеченных вузов насчитывали лишь несколько сотен или даже десятков студентов, а также испытывали резкую нехватку преподавателей, учебных материалов и оборудования [14].

По аналогии с периодом военного коммунизма, революционные преобразования в сфере высшего образования и «орабочение» высшей школы сопровождались стремительным, отчасти «нездоровым», ростом численности студенчества: если в 1929/30 учебном году в СССР насчитывалось около 204 тыс. студентов, то в 1931/32 г. – уже около 406 тыс., а в 1932/33 г. – около 504 тыс. [14, с. 18; 15, с. 22–23]. Соответственно увеличивалось число студентов, принятых в СССР на первые курсы вузов: в 1929 г. – 56,2 тыс., в 1930 г. – 144,2 тыс., в 1931 г. – 184,9 тыс., в 1932 г. – 245,8 тыс. [14, с. 12].

«Орабочение» высшей школы опиралось на авторитет И.В. Сталина, который 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников подвел под него «теоретическую базу», заявив, что «рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве как интересы господствующего класса» [16, с. 595]. В 1930/31 учебном году выходцы из рабочих составляли в РСФСР уже 46,6 % от общей численности студенчества, из крестьян – 33,4 % и из служащих – 20 %. И даже в составе студентов, принятых в художественные учебные заведения, доля рабочих превышала 50 % [17, с. 40]. Что же касается технической школы, то здесь доля учащихся пролетарского происхождения к концу 1931 г. увеличилась до 70,4 % [18, с. 751].

Однако далеко не все вузы поддавались пролетаризации так успешно, как хотелось бы большевикам. Особенно власть тревожила ситуация в педагогических вузах, где в РСФСР в 1929/30 учебном году из 18 868 тыс. студентов выходцы из рабочих составляли 23,3 %, из колхозников – 0,2, из крестьян-единоличников – 26,6, из служащих – 43,6, из «прочих» – 6,3 %

[19, с. 88–89]. Главным методом «пролетаризации» педвузов стало создание при них рабфаков в 1930/31 учебном году [17, с. 40–41].

Тем не менее объективные потребности народного хозяйства, как и в годы нэпа, приводили к прагматическим исключениям в политике «пролетаризации». Чистка 1929 г. не переросла в массовую кампанию отчислений только благодаря вмешательству ЦК ВКП(б) [11, с. 536]. Власть также была вынуждена время от времени открывать шлюзы, обеспечивавшие доступ к высшему образованию для наиболее подготовленных групп населения. В июле 1931 г. решением Политбюро ЦК дети ИТР вновь были уравнены в праве на поступление в вузы с детьми промышленных рабочих [20, с. 55; 8, с. 174–175].

1932 г. знаменовался прекращением революционной ломки системы высшего образования и реабилитацией университетов, что было вызвано резким падением квалификации выпускаемых специалистов [11]. Изменение политического курса привело к уменьшению численности вузов и студентов. Отказ от революционных экспериментов в сфере образования также неминуемо означал постепенное сворачивание политики «пролетаризации» студенчества.

Первым признаком перемен стало изменение правил поступления в вузы, введенных в июле 1932 г.: абитуриенты пролетарского происхождения пользовались преимуществом, только если выдерживали вступительные испытания, в противном случае студентами становились их конкуренты из непролетарской среды [18, с. 754]. Тем не менее, вплоть до конца 1935 г. отбор абитуриентов осуществлялся преимущественно по классовому принципу, что вновь ожидаемо приводило к исключениям из правила. Так, 6 апреля 1935 г. приказом Наркомпроса РСФСР «О приеме детей врачей в учебные заведения» дети медицинских работников уравнивались в правах с детьми рабочих [21, с. 313; 6, с. 39].

Еще одним следствием отказа от инспирирования мобильности пролетариата стало стремительное сокращение численности рабфаков. Если в 1933/34 учебном году в СССР все еще насчитывался 831 рабочий факультет и около 271 тыс. рабфаковцев, то в 1938/39 учебном году количество рабфаков сократилось вдвое, а их слушателей – в 2,5 раза. В последние предвоенные годы были упразднены все рабфаки [21, с. 192].

В конце 1935 г. политика пролетаризация студенчества фактически была свернута. Об этом сигнализировал отказ от дискриминации в сфере высшего образования в отношении детей «бывших» и «лишенцев». В рамках подготовки новой конституции, которая должна была восстановить в правах изгоев советского общества, были предприняты «вполне конкретные акции по “умиротворению” общества, реально облегчавшие положение миллионов людей» [20, с. 148]. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О школах в трудпоселках» от 15 декабря 1935 г. детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, теперь разрешалось принимать на общих осно-

ваниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших среднюю школу – соответственно в высшие учебные заведения³. В развитие этого постановления 23 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили циркуляр об использовании на работе по специальности лиц, высланных и сосланных в административном порядке, и приеме в учебные заведения «по месту ссылки или высылки» их детей [20, с. 152–153].

Формальный конец политики «пролетаризации» студенчества ознаменовало постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) 29 декабря 1935 г. Этим постановлением отменялся запрет на поступление в вузы и техникумы детей «нетрудящихся и лиц, лишенных избирательных прав». В соответствии с постановлением при поступлении в вузы равными правами обладали все граждане СССР обоюбого пола в возрасте 17–35 лет, имевшие аттестат о получении среднего образования и выдержавшие вступительные экзамены. Все ограничения при приеме, «связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей», отменялись.

Спустя полгода, 24 июня 1936 г., в газете «Правда» было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которое подтверждало и развивало основные принципы постановления от 29 декабря 1935 г. Преимущественным правом поступления в вузы теперь пользовались лица, получившие в ходе вступительных экзаменов наивысшие отметки. В результате, по данным В.В. Рыжковского, к 1937 г. основной контингент поступающих в вузы формировался уже из детей интеллигентов – выпускников десятилеток [18, с. 758].

То, что с широкомасштабной политикой «пролетаризации» в сфере высшей школы было покончено, продемонстрировал Большой террор. 10 ноября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, запрещавшее «огульное» увольнение из вузов и снятие стипендий по мотивам родственных связей студентов с репрессированными. Предписывалось решать такого рода вопросы «строго персонально», после рассмотрения «общественно-политического лица и поведения самого студента» [22, с. 390].

Результаты реализации политики «пролетаризации» студенчества в РСФСР в 1918–1936 гг. были крайне противоречивы. С одной стороны, она действительно способствовала резкому увеличению численности специалистов – выходцев из рабочих и крестьян. Количественные достижения этой политики неоспоримы. Высшее образование стало эффективным лифтом социальной мобильности для сотен тысяч граждан советской страны.

С другой стороны, задача «орачования» студенчества диктовала необходимость трансформаций традиционной системы высшей школы. Неслучайно обе попытки революционной ломки института высшего образования совпали с двумя пиками инспирирования образовательной мобильности «трудящихся», а периоды нормализации характеризовались сворачиванием этой политики. Фактическая отмена привилегий, которыми выходцы из рабочих и беднейших крестьян пользовались в образовательной сфере, привела к тому, что во второй половине 1930-х гг. место инспирированной мобильности заняла социальная мобильность, основанная преимущественно на реальных знаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 494–522.
2. Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920 (краткий отчет). Госиздат, 1920. 112 с.
3. Народное образование в СССР. М., 1967. 544 с.
4. Народное образование в РСФСР за 1923–24 год. М., 1925. 336 с.
5. Малая Советская энциклопедия. М., 1929. Т. 2. 960 с.
6. Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.
7. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. 872 с.
8. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920 – 1930-е годы). Новосибирск, 2004. 450 с.
9. Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. 211 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). М., 1970. 583 с. Т. 4 (1927–1931).
11. Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 523–563.
12. Народное просвещение в СССР за 1928/29 год. М.; Л., 1930. 132 с.
13. Вышинский А.Я. Социалистическое строительство и борьба за качество кадров // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 25–30.
14. Лапко А.Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток // Успехи математических наук. 1972. Т. 27, вып. 6 (168). С. 5–23.
15. Бубнов А.С. Основные вопросы перестройки высшего образования // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 16–23.
16. Сталин И. Вопросы ленинизма. Л., 1932. 618 с.
17. Алексинский М.А. Культурная революция и педкадры // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 38–41.
18. Рыжковский В.В. Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальных мобилизаций // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 682–774.
19. Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 – 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). М.; Л., 1932. 184 с.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 172–172 об.

20. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. 304 с.

21. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973. 472 с.

22. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 479 с.

REFERENCES

1. Andreyev D.A. Proletarianization of Higher Education: "New student" as an instrument of educational policy. *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, 2012. pp. 494–522. (In Russ.)
2. People's Commissariat for Education. 1917 – October, 1920 (abridged report). Gosizdat, 1920, 112 p. (In Russ.)
3. Education in USSR Moscow, 1967, 544 p. (In Russ.)
4. Education in RSFSR in 1923–1924. Moscow, 1925, 336 p. (In Russ.)
5. Small Soviet Encyclopedia. M., 1929, vol. 2, 960 p. (In Russ.)
6. Smirnova T.M. «No one is guilty of his own origin...»? Problems of integration of children of «socially alien elements» in the post-revolutionary Russian society. *Otechestvennaya istoriya*. 2003, no. 4, pp. 28–42 (In Russ.)
7. Felix Dzerzhinsky – Chairman of Cheka-OGPU. Moscow, 2007, 872 p. (In Russ.)
8. The Marginal in Society. The Marginal as society. Siberia (1920–1930s). Novosibirsk, 2004, 450 p. (In Russ.)
9. People's education in RSFSR by 1927/28 academic year. Report of the People's Commissariat for Education for 1926/27 academic year. M.; L., 1928. 211 p. (In Russ.)
10. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of Central Committee (1898 – 1970). Vol. 4 (1927 – 1931). M., 1970. 583 p. (In Russ.)
11. David-Fox M. The Attack on the Universities and the Dynamics of the Stalinist Great Break (1928 – 1932). *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. M., 2012, pp. 523–563 (In Russ.)
12. Education in the USSR in 1928/29. M.; L., 1930. 132 p. (In Russ.)
13. Vyshinsky A.Ya. The Socialist construction and the fight for the quality of the personnel. *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*. 1931, no. 2, pp. 25–30 (In Russ.)
14. Lapko A.F. The evolution of Higher Education in USSR during the first three five-year plans. *Uspekhi matematicheskikh nauk*. 1972, vol. 27, issue 6 (168), pp. 5–23 (In Russ.)
15. Bubnov A.S. Main questions of restructuring higher education. *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*. 1931, no. 2, pp. 16–23 (In Russ.)
16. Stalin I. Questions of Leninism. Leningrad, 1932, 618 p. (In Russ.)
17. Aleksinsky M.A. The Cultural Revolution and Teaching Staff. *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*. 1931, no. 2, pp. 38–41 (In Russ.)
18. Ryzhkovsky V.V. Genealogy of a «specialist»: Higher specialized education and technical science during social mobilizations. *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. M., 2012, pp. 682–774 (In Russ.)
19. Narodnoye prosveshcheniye v RSFSR v osnovnykh pokazatelnykh. *Statisticheskij sbornik (1927/28 – 1930/31 gg. so vkljucheniem nekotorykh dannykh za 1931/32 g.)*. M.; L., 1932. 184 с.
20. Khlevnyuk O.V. Political Bureau. The mechanisms of political power during 1930s. Moscow, 1996. 304 p. (In Russ.)
21. Chanbarisov Sh.Kh. Formation of the Soviet university system (1917–1938). Ufa, 1973, 472 p. (In Russ.)
22. Khlevnyuk O.V. The Master. Stalin and consolidation of Stalin's dictatorship. Moscow, 2010, 479 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.10.2016